НАЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Дациева Х.Г., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *dhadizhat@gmail.com*

Автор в статье освещает проблему назначения института досудебного соглашения о сотрудничестве. Отмечается, что многие проблемы при его реализации на практике возникают из-за отсутствия четкого понимания вопроса о целях введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовный процесс России.

При обсуждении вопроса о необходимости введения института досудебного соглашения озвучивалась цель, как необходимость данного института для борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В связи с этим предполагалось, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не должен применяться в массовом порядке, без каких-либо ограничений.

Многие правоприменители высказываются за ускоренные процедуры в уголовном процессе, так как их применение позволяет значительно снизить энергетические и материальные ресурсы для достижения целей уголовного судопроизводства, но сокращение сроков в уголовном судопроизводстве, как правило, приводит к неблагоприятным последствиям. Широкое применение в уголовном процессе особого порядка судебного разбирательства исказит его суть и приведет к возникновению нового от действующей в настоящее время ускоренной процедуры процессуального института, который будет являться «делкой», что будет иметь негативные последствия, так как «делка» не вписывается в уголовно-процессуальные традиции России.

Анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что довольно часто досудебное соглашение о сотрудничестве заключается необоснованно. Не все практические работники понимают значение данного института, что приводит к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве в случае отсутствия такой необходимости.

Автор предлагает четко обозначить круг составов преступлений, по которым возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, обвиняемый, подсудимый, признание вины, предварительное расследование.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-151-155

UDC 343.12

APPOINTMENT OF THE INSTITUTE OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Datsieva Kh.G., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *dhadizhat@gmail.com*

The author in the article highlights the problem of appointing an institute of pre-trial cooperation agreement. It is noted that many problems in its implementation in practice arise from the lack of a clear understanding on the issue of the purpose of introducing the institute of a pre-trial agreement on cooperation in the criminal process of Russia.

When discussing the need to introduce the institution of a pre-trial agreement, the goal was voiced, as the need for this institution to combat serious and particularly serious crimes. In connection with which it was supposed that the institution of the pre-judicial cooperation agreement should not be applied en masse, without any restrictions.

Many law enforcers are in favor of accelerated procedures in the criminal process, since their use allows significantly reducing energy and material resources to achieve the objectives of criminal justice, but reducing the time frame in criminal proceedings usually leads to adverse consequences, to put it mildly. Extensive use in the criminal process of a special procedure for the trial will distort its essence and lead to the emergence of a new procedural institution that is currently in operation, which will be a "transaction", which will have negative consequences, since the "transaction" does not fit into the criminal - procedural traditions of Russia.

Analysis of criminal cases allows us to conclude that quite often the pre-trial agreement on cooperation is unreasonable. Not all practitioners understand the importance of this institution, which leads to the conclusion of a pre-trial cooperation agreement, in cases where there is no such need.

The author suggests clearly defining the range of offenses for which it will be possible to conclude a pre-trial cooperation agreement with the accused.

Key words: pre-trial agreement on cooperation, the accused, the defendant, a confession, a preliminary investigation.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-151-155

В правовом регулировании относительно нового для российского законодательства института досудебного соглашения о сотрудничестве имеется немало пробелов, что, в свою очередь, порождает на практике проблемы при его применении. Наиболее важные проблемы известны, они периодически обсуждаются в научных кругах. Это – и необходимость выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве в отдельное производство, отсутствие закрепленных в нормах УПК РФ обязанностей стороны обвинения по исполнению обещанного при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Спорным остается вопрос и о процессуальном статусе лица, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, уже осужденного и допрашиваемого по «основному» делу [1] и другие проблемы.

Многие проблемы, как представляется, возникают из-за того, что нет ясности в вопросе о целях введения данного института. Руководитель СК РФ А. Бастрыкин, выступая в 2009 г. за введение соглашений о сотрудничестве, указывал, что, как отмечается в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, досудебное соглашение это возможность заключения обвиняемым соглашения с органами следствия о сотрудничестве в целях расследования и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений: заказных убийств, бандитизма, преступлений, связанных с наркотиками, коррупцией, деятельностью преступных сообществ [2]. В связи с этим предполагалось, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не должен применяться в массовом порядке, без каких-либо ограничений.

Однако если обратиться к следственно-судебной практике, то картина складывается совсем иная. И.И. Лодыженская и Г.П. Панфилов пишут, что в 2010–2011 гг. наиболее распространенными составами, в отношении которых применялось производство в порядке гл. 40.1 УПК РФ, являлись кражи, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, экологические преступления и мошенничества. При этом доля преступлений небольшой степени тяжести в 2011 г. составляла 55,27% (тяжких и особо тяжких — 33,3%) от общего числа (2969) таких преступлений. В 2012 г. доля тяжких и особо тяжких преступлений составила 59,3%, что ближе к декларируемым целям института, но также явно им не соответствует [1]. Статистические данные свидетельствуют о том, что за 2016 год из 961036 уголовных дел, поступивших в суды общей юрисдикции, в особом порядке было рассмотрено 636431 уголовное дело (около 70%). Для сравнения: за 12 месяцев 2015 года из 965925 уголовных дел в особом порядке было рассмотрено 626777 уголовных дела [3], где немалый процент составляют уголовные дела, рассматриваемые в порядке гл. 40.1 УПК РФ.

Ю.К. Якимович отмечает: «В целом же последствия изменения УПК РФ привели к тому, что около 80% уголовных дел судами первой инстанции фактически не рассматриваются, а лишь разрешаются. По этим делам не проводится судебного следствия, а значит, не действуют основополагающие судебные принципы, в том числе принцип непосредственности»

[4]. Ситуация складывается таким образом, что, как в былые времена, признание обвиняемым вины становится доказательством особого значения, в процессе доказывания такому признанию придается гипертрофированное значение. Получив признание вины от обвиняемого, органы предварительного следствия, как правило, прекращают деятельность по доказыванию вины обвиняемого, происходит отказ от всестороннего, полноценного и объективного расследования по уголовному делу. Поскольку по этой категории дел отсутствует судебное следствие, у практиков формируется убеждение в том, что устанавливаемые презумпцией невиновности требования к доказыванию не распространяются на дела, рассматриваемые в особом порядке. Таким образом, результаты предварительного расследования не подлежат судебному контролю, достаточно получить от обвиняемого признание вины. В результате на практике имеют место случаи отмены приговоров, когда субъектом досудебного соглашения о сотрудничестве существенно занижается собственная роль в преступной деятельности за счет оговора соучастников, либо значимые обстоятельства, которые являются предметом рассмотрения по уголовному делу, в приговоре отражаются неправильно. Как справедливо отмечает профессор Т.Б. Рамазанов, «...ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предоставляет каждому право защищать права и свободы всеми способами, не запрещенными законами, и, таким образом, дача ложных показаний может расцениваться как один из способов защиты, так как никто и никогда не обязывал подсудимого (обвиняемого, подозреваемого) говорить только правду, никакой ответственности за дачу ложных показаний для такого лица, в отличие от свидетеля, Уголовный кодекс не предусматривает и это правильно» [5].

Нередки случаи, когда факты, изложенные в приговоре, вынесенном в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве вступают в противоречие с фактами изложенными в судебном решении, вынесенном по основному делу, т.е. выводы, содержащиеся в двух судебных решениях, противоположны друг другу по поводу существования одного и того же факта, что, конечно, является недопустимым и подлежит устранению. Именно поэтому нередко после вступления в законную силу приговора по основному уголовному делу, приговор пересматривается в порядке надзора в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве в целях переквалификации совершенных им деяний на менее тяжкие составы [6].

В этой связи более убедительной выглядит позиция тех авторов, которые считают, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве необходим как способ упрощения и ускорения уголовного судопроизводства. И, как следствие, следственно-судебная практика изобилует примерами, когда предварительное следствие по уголовным делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве проводится некачественно, о чем уже упоминалось выше, так как сторона обвинения ограничивается только получением признательных показаний от обвиняемого, после чего прекращает деятельность по доказыванию обвинения [7], тем самым возводя признание обвиняемым своей вины в «царицу доказа-

тельств». И. Фойницкий отмечал, что в «доустановный» период возведение признания подсудимого на степень главенствующего доказательства основывалось на том, что считалось неестественным, чтобы человек вопреки истине делал невыгодные для себя разоблачения. Он указывал, что, «как показывает опыт, в пользу достоверности признания можно привести только эту презумпцию, которая далеко не устраняет необходимости доказывания самого события, удостоверяемого признанием, судебная практика богата многочисленными примерами неверных признаний, объясняемых различными причинами. Так, прежде всего ложные признания даются подсудимым под влиянием принуждения, давления... которое может привести его к неверному признанию, благодаря тягостному положению его на предварительном следствии» [8].

Нередко складывается ситуация, когда после вынесения приговора в отношении лица, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и при рассмотрении дела в общем порядке в отношении соучастников выявляются факты, свидетельствующие об упущениях предварительного следствия либо о злоупотреблениях следователя, так как доказательственная база по таким делам аналогична. Что касается судов при рассмотрении данной категории дел, то здесь наблюдается в основном тенденция поверхностного изучения и рассмотрения уголовных дел. Так, Октябрьским районным судом г. Саратова рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, уголовное дело в отношении Т. обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Как следует из материалов уголовного дела, в ходе предварительного следствия Т. заявил ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое было удовлетворено и заключено. Впоследствии прокурором, наряду с обвинительным заключением, было направлено в суд представление об особом порядке проведения судебного заседания.

Приговором Октябрьского районного суда г. Саратова от 2 апреля 2014 года Т. признан виновным по п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и ему назначено наказание с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ в виде 11 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Участниками процесса приговор суда обжалован в апелляционную инстанцию. Как было установлено судебной коллегией по уголовным делам Саратовского областного суда, при апелляционном рассмотрении указанного уголовного дела фактически условия, содержащиеся в досудебном соглашении от 27 января 2014 года, заключенном между Т. и заместителем прокурора, согласованы не были. Из содержания досудебного соглашения о сотрудничестве, заключенного с Т., следует, что в нем отсутствует указание на квалификацию его действий, в том числе по квалифицирующему признаку совершения преступлений «организованной группой». При отсутствии в досудебном соглашении условий о квалификации действий Т., ему впоследствии было предъявлено обвинение, в том числе и по данному квалифи-

цирующему признаку. Таким образом, обвинение было изменено на более тяжкое, не предусмотренное досудебным соглашением. При таких обстоятельствах досудебное соглашение о сотрудничестве, заключенное с Т., судом первой инстанции не могло быть признано соответствующим требованиям закона. В связи с указанными нарушениями уголовно-процессуального законодательства приговор в отношении Т. был отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение.

Аналогичные нарушения закона были допущены Октябрьским районным судом г. Саратова при рассмотрении уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1, п. п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Судебной коллегией по уголовным делам Саратовского областного суда 13 февраля 2014 года приговор в отношении К. был отменен и уголовное дело направлено для нового рассмотрения в районный суд.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, причинами отмены приговоров послужили невнимательное изучение судами положений главы 40.1 УПК РФ, а также ненадлежащее изучение текста досудебного соглашения и обвинительного заключения, касающихся квалификации содеянного осужденными [9].

Т.В. Трубникова высказывает мнение: «... если досудебное производство велось в упрощенной форме, то в суде по таким делам упрощения не должно быть и дело должно рассматриваться в обычном порядке» [4]. Решение обозначенной Т.В. Трубниковой проблемы, как мы считаем, видится в предложении А.В. Пилюк, который утверждает следующее: «Для обеспечения вынесения законного, обоснованного приговора представляется необходимым исключить из уголовно-процессуального закона положения п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК о выделении уголовного дела в отношении сотрудничающих со следствием лиц в отдельное производство. Лица, желающие сотрудничать со следствием и давать показания в отношении соучастников преступления, должны делать это в рамках общего, обычного порядка разрешения уголовного дела, без выделения дел в отдельное производство. Для поощрения таких лиц в УК и УПК одновременно следует сохранить преференции при назначении наказания, аналогичные тем, что действуют в настоящее время в отношении сотрудничающих со следствием лиц» [10].

Некоторые авторы высказываются за расширение оснований применения института досудебного соглашения о сотрудничестве и в целом особого порядка судебного разбирательства [11]. Многие правоприменители высказываются за ускоренные процедуры в уголовном процессе, так как их применение позволяет значительно снижать энергетические и материальные ресурсы для достижения целей уголовного судопроизводства, но сокращение сроков в уголовном судопроизводстве, как правило, приводит к неблагоприятным последствиям. Широкое применение в уголовном процессе особого порядка судебного разбирательства исказит его суть и приведет к возникновению нового от действующей в настоящее время ускоренной процедуры процессуального института, кото-

рый будет являться «сделкой», что будет иметь негативные последствия, так как «сделка» не вписывается в уголовно-процессуальные традиции России. Многие ученые высказывались против введения ускоренных процедур. Так, И.Л. Петрухин, предупреждая законодателя о возможных негативных последствиях заимствования американской модели «сделки с правосудием», отмечал, что «в российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрыть преступление» [12].

Проблема ускоренных процедур, как ранее уже отмечалось, состоит в отсутствии процесса полноценного доказывания. Отсутствие полноценного судебного доказывания приводит к вынесению обвинительного приговора без исследования доказательств. В ходе предварительного следствия виновность лица устанавливается в условиях ограниченной состязательности. Суд, выясняя, что виновность лица подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, знакомится лишь с письменными доказательствами в том виде, в котором они представлены стороной обвинения. Хотя признание вины в уголовно-процессуальном законодательстве континентальных стран является рядовым доказательством, в российском уголовном процессе оно всегда имело особое значение «царицы доказательств», что наблюдается и

на современном этапе его развития, что приводит к печальным последствиям. Немало случаев «внепроцессуальных» бесед с обвиняемыми, желания склонить их к признанию своей вины и дачи признательных показаний, факты психического и физического давления на подозреваемых и обвиняемых.

Анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что довольно часто досудебное соглашение о сотрудничестве заключается необоснованно. Не все практические работники понимают значение данного института, что приводит к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, в случаях отсутствия такой необходимости. В то время как целью введения данного института была острая необходимость борьбы с наиболее опасными проявлениями преступности (организованная преступность, коррупция и т.д.), что было отмечено и в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 июня 2009г. № 141-ФЗ.

Все вышеизложенное еще раз подтверждает, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не должен применяться широко, без каких-либо ограничений. В связи с этим считаем необходимым выделить конкретные составы преступлений, при участии в совершении которых лицу будет предоставлена возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Литература

1. Лодыженская И.И., Панфилов Г.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (48). С. 159–169.
2. Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Новой газете». 5 июня 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507320/> (дата обращения: 12.10.2017).
3. Судебный департамент при Верховном суде РФ. Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.10.2017).
4. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. 2014. №2 (12). С. 105–108.
5. Рамазанов Т.Б., Магомедкеримов Ф.М. Некоторые спорные положения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. Вып. 2. С. 129–134.
6. Тисен О.Н. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве как разновидность упрощенной формы отправления правосудия // Российский юридический журнал. 2014. №4 (97). С. 94–100.
7. Дациева Х.Г. Ускоренные процедуры в уголовном процессе не должны приводить к упрощенчеству // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9 (112). С. 220–222.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М.: Альфа, 1996. Т. 1, 2.
9. Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда. Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), причин отмены и изменения судебных решений в апелляционном и кассационном порядке за 1-е пол-е 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-po-rassmotreniyu-rajonnyimi-gorodskimi-sudami-del-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-glava-40-1-upk-rf-prichin-otmeny-i-izmeneniya-sudebnyx-r/> (дата обращения: 12.10.2017).
10. Пилюк А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/23271> (дата обращения: 9.10.2017).
11. Маткина Д.В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. С. 7, 11.
12. Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35–36.

References

1. Lodyzhenskaya I.I., Panfilov G.P. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: problemy pravoprimereniya i puti ikh preodoleniya // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2016. № 2 (48). S. 159–169.

2. Interv'yu Predsedatelya Sledstvennogo komiteta pri prokurature Rossiiskoi Federatsii A.I. Bastrykina «Novoi gazete». 5 iyunya 2009 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/507320/> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
3. Sudebnyi departament pri Verkhovnom sude RF. Sudebnaya statistika [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
4. Yakimovich Yu.K. Differentsiatsiya ugovnogo sudoproizvodstva dolzhna imet' razumnye predely i ne privodit' k uproshchenchestvu // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №2 (12). S. 105–108.
5. Ramazanov T.B., Magomedkerimov F.M. Nekotorye spornye polozheniya instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v ugovnom protsesse // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. T. 30. Vyp. 2. S. 129–134.
6. Tisen O.N. Institut dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve kak raznovidnost' uproshchennoi formy otpravleniya pravosudiya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. №4 (97). S. 94–100.
7. Datsieva Kh.G. Uskorennye protsedury v ugovnom protsesse ne dolzhny privodit' k uproshchenchestvu // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2017. № 9 (112). S. 220–222.
8. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. M.: Al'fa, 1996. T. 1, 2.
9. Sudebnaya kollegiya po ugovnym delam Saratovskogo oblastnogo suda. Obobshchenie sudebnoi praktiki po rassmotreniyu raionnymi (gorodskimi) sudami del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve (glava 40.1 UPK RF), prichin otmeny i izmeneniya sudebnykh reshenii v apellyatsionnom i kassatsionnom poryadke za 1-e pol-e 2014 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-po-rassmotreniyu-raionnymi-gorodskimi-sudami-del-pri-zaklyuchenii-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-glava-40-1-upk-rf-prichin-otmeny-i-izmeneniya-sudebnyx-r/> (data obrashcheniya: 12.10.2017).
10. Piyuk A.V. Aktual'nye problemy dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Elektronnyi resurs]. URL: <http://otrasli-prava.rf/article/23271> (data obrashcheniya: 9.10.2017).
11. Matkina D.V. Konventsional'naya forma sudebnogo razbiratel'stva: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Orenburg, 2008. S. 7, 11.
12. Petrukhin I.L. Sdelki o priznanii viny chuzhdy rossiiskomu mentalitetu // Rossiiskaya yustitsiya. 2001. № 5. S. 35–36.

*Поступила в редакцию 23 ноября 2017 г.
Received 23 November, 2017*